

THE

Питание. 3-го июля 1915 г.

№ 152

RESEARCH DESIGN: A descriptive, exploratory study. The study was conducted in a hospital setting. The study was conducted in a hospital setting. The study was conducted in a hospital setting.

Próbujcie też zrobić ciasto ciemniejsze — np. 5 do 8 raz. Ciasto nie powinno być ciemne, ale ciemne ciasto jest zdrowe.

МОСКВА, Творческая ул., д. 7-88 Н. Д. Сытина.
Телеф. 645-57. Офис, абонентам — 6-30-00.
Заказ. 62-24 и 2-62-00. Тираж. 10-50.

**Spokane is now getting ready—80% in part—
to build its first 1-20 expressway.**

№ 152

Пришло много, очень много.
Кроме артистов, кроме людей искусства, пришли во множестве те люди, для которых он писал, и те, которых он писал.
Пришло много девушек: милых, хороших девушек. Глядя на их лица, думалось:
— Вот эта, может-быть, — Соня... Вот эти — родные сестры «сестер»: в Москву уже попали, но и в Москву остаются неудовлетворенными, ищущими, где бы приложить свои силы так, чтобы жизнь стала хорошей, удовлетворяющей.
Здесь и студент, «облазый барин», здесь и Лопухин, в котором сквозит всю его практичность ключом быть желание другой, лучшей жизни.
Здесь и... затем перечислять? Здесь были все мы, и дурные, и хорошие, но все чувствующие, что нам нужна близость Чехова, необходима мечта о нем.
Служили панихиду. Стройное пение монашек было таким милым, и сами они были такие тихие, стройные, задумчивые, точно их написали Чехов.
Было тихо и чувствовалось, что все охвачено глубоким настроением.
Настроение это было так сильно, что когда ворвался равнодушный, холодный свист железнодорожного паровоза, — сделалось так странно, словно это был звук из совершенно чуждого мира.
Так же равнодушно, так же безразлично громко прокричали пролетающие птицы, — и это были единственные звуки, чуждые нашей общей печали.
Светило солнце, кругом было зелено, на могилу клань цветы, но в небо, слегка покрытое тучами, была засквозившая, ижная, чеховская печаль.
Нить, не забыли мы своего любимого писателя. И теперь пришли к нему.
Пришли штатские, пришли военные, пришла сестра милосердия с медалью из георгиевской ленты. Не стал он дальше, и ясно сознавалось, что живи он в наши страшные дни, он, тихий, и, казалось бы, пассивный, сумел бы сразу стать во главе огромного дела помощи, как делал это во время холеры и во время голода. Сумел бы и сам превосходно работать, и других научить.
Деловито, безшумно и умирно.
Не слыша, с тихим чувством любви и печали расходились мы с кладбища.
— Подайте за упокой души барины Чехова, — жалобно просили нищие, протягивая руки.

СЕРГЕЙ ЯБЛОНОВСКИЙ.

У Чехова.

Я встал вчера на панихиду по Чехову и думал:

— Придут ли?..

«Когда говорить пушки, — смежаются музы».

Становится далекий, неслышимый, ненужный то, чем жили люди, что единое считали на потребу души.

В дни, которыми заканчивались начавшиеся еще в восьмидесятых годах сумерки, похоронили мы его. Чувствовали тогда неразрывную связь с ним и клялись, что вечно будем любить его ижной, глубокой любовью.

Скоро, так скоро после его смерти, бурей поднялась общественная волна, неся на своем гребне и сокровища, и поднятую со дна муть, как всегда во время сильной бури.

В те бурные, слишком активные дни мог уже отойти в отдаление тот, кто никогда не кричал о буре, не поднимал никаких влечущих толпу знамен, не призывал грозы.

Но его тогда не забыли.

Всей душой, всем сердцем поняли, что никто так, как он, не порадовался бы тому, что свободнее становится дышать, что выходим мы из туннеля на дорогу.

Дорогу, на которой еще множество препятствий, обрывов и даже поворотов назад, но все-таки на дорогу.

Поняли, что тихим голосом он сказал столько слов, приближающих эту свободу, сколько не сказали самые шумные и крикливые.

Поняли, что он, спокойный, задумчивый, ижный, «чистый художник», не выступавший никогда на поприще публицистики, — один из самых сильных бойцов за наше лучшее будущее.

И в новом осиянии предстал он, и новой любовью мы его полюбили.

И заговорили пушки.

В этом грохоте пушек всего мира могут потонуть не только слова, завораживающая нас чистым искусством, — в нем могут потонуть всякие человеческие слова.

Когда надо убить, чтобы не быть убитым; когда необходимо быть безпощадным, так как этому учит удесятеренная безпощадность врага, — какие заветы могут звучать?

Ни искусство, ни дело внутреннего строительства, ни требования, предъявляемые к личному усовершенствованию, в направлении вечных общечеловеческих идеалов, — ничто.

В такие страшные дни настала одна-надесятая годовщина смерти любимого писателя.

Откликнутся ли? Придут ли?